

и о присвоении прибавочного труда (прибавочной стоимости) как действительной сущности буржуазного богатства.

* Само собой разумеется, о последней струе мы можем говорить лишь в ограниченном и, в известной мере, условном смысле. В ней находит свой исходный пункт зарождение классической политической экономии, получившей свое дальнейшее развитие в учении А. Смита и Д. Рикардо.

Перейдем теперь к рассмотрению ряда авторов, в произведениях которых находят свое выражение все эти элементы разложения меркантилизма. Исходным пунктом являются в этом отношении экономические воззрения Вильяма Петти, гениальнейшего экономиста XVII в.

Вильям Петти.

Центральной фигурой, представляющей начало разложения меркантилизма и возникновения классической политической экономии, является Вильям Петти. Время появления основных экономических произведений Петти относится к периоду расцвета английского меркантилизма.

У Петти, как и вообще в экономической литературе этой эпохи, мы не находим оформленной экономической системы в собственном смысле слова. Больше того, теоретические вопросы политической экономии не занимают большого места в его произведениях. Теоретических вопросов он касается лишь вскользь, среди статистических, описательных работ, по поводу статистических подсчетов. Не следует забывать, что Петти является основоположником статистики, политической арифметики, как он ее называл. Опровергая мнение Дюринга о «легкомысленном образе мысли» Петти, «отсутствии понимания более глубоких и тонких различий понятий» и т. д., Маркс пишет: «Да это, ведь, вполне в порядке вещей, что напыщенная посредственность может относиться только с ворчливым недовольством к гениальнейшему и оригинальнейшему экономисту-исследователю за то, что яркие искры светлой теоретической мысли не выступают у него сплошь, как готовые аксиомы, но рассеяны в глубине грубого практического материала, например «налогов». (Энгельс, «Анти-Дюринг», ч. 2, гл. 10).

Современники и последующие экономисты считали Вильяма Петти статистиком, а не экономистом. Так, Девенант (экономист конца XVII столетия) называет Петти родоначальником «политической арифметики» в вопросах торговли и финансов. Теоретические же заслуги Петти прошли мимо современников и даже экономистов XIX столетия; понадобилась глубокая эрудиция Маркса, чтобы стряхнуть пыль веков с теоретического наследства В. Петти.

Эта странная участь, постигшая гениального экономиста, несомненно объясняется тем, что его идеи, дающие Марксу безусловное право считать его «отцом политической экономии», у самого Петти, как мы уже говорили, не систематизированы. Прошло около столетия, раньше чем они приняли более или менее систематический облик у Адама Смита, который оказал такое

сильное влияние на развитие политической экономии, что заслуги его предшественников были забыты.

В. Петти принадлежит ряд произведений, посвященных экономическим вопросам. В 1662 г. появилось его первое экономическое сочинение: «*A treatise of taxes and contributions*» («Трактат о налогах и податях»). В 1672 г. вышли: «Политическая анатомия Ирландии», «Политическая арифметика», «Опыты по политической арифметике», «Трактат об Ирландии». Произведение Петти «*Quantulumcumque concerning money*» («Кое-что о деньгах») написано в 1682 г. в связи с предполагавшейся денежной реформой.

Петти открывает своими произведениями период разложения меркантилизма и кладет начало классической политической экономии. В этом его важнейшая черта и специфическая роль в истории политической экономии. Тем не менее необходимо отметить, что, наряду с этими основными чертами экономического творчества Петти, мы находим у него ряд меркантилистических пережитков. В этом отношении Петти несколько напоминает А. Смита. Подобно тому как Смит не удалось полностью изжить физиократические воззрения (например в теории земельной ренты, в вопросе об особенно высокой производительности земледельческого труда), так и Петти сохраняет не мало меркантилистических пережитков, не замечая их внутреннего противоречия с теми взглядами, которые характеризуют его как основоположника классической политической экономии. Мы начнем с краткого изложения меркантилистических элементов у Петти.

ЭЛЕМЕНТЫ МЕРКАНТИЛИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ПЕТТИ

Как мы уже отметили выше, элементы меркантилизма зачастую переплетаются у Петти с его правильными, т. е. идущими по линии классической политической экономии взглядами, причем он сам не замечает этого противоречия. Так, мы находим у него меркантилистическое понимание богатства как денег (драгоценных металлов), притом обосновываемое совершенно вульгарным образом. Петти пишет:

«Важнейший и конечный результат торговли — не богатство в широком смысле слова, но главным образом изобилие серебра, золота и драгоценных камней, которые не гибнут, не так изменчивы, как прочие товары, но являются всегда и повсюду богатством, тогда как обилие вина, хлеба, дичи, мяса и т. п. — богатства лишь *hic et nunc* (здесь и теперь), так что производство и торговли такими товарами, которые наполняют страну золотом, серебром, драгоценными камнями и т. п., выгоднее всех других». *

Петти сводит преимущества драгоценных металлов и камней к их естественным свойствам, фетишизирует драгоценные металлы

* W. Petty, *Political arithmetic* (Economic writings), т. I, стр. 259—260.

как форму стоимости. Но он признаёт, как и другие развитые меркантилисты, что деньги важны не сами по себе, не своим количеством. «Не является ли страна более бедной, когда у нее меньше денег? Не всегда; подобно тому как самые деловые люди держат при себе мало денег или совсем их не держат, но обращают их на покупку и продажу всяческих благ для извлечения наибольшей прибыли, так может обстоять дело и с целым народом, который есть не что иное, как множество людей». * Как и Мен, Петти указывает на средство заменить недостающие стране деньги, — а именно на организацию банка. Выше было цитировано мнение Петти о том, что нужно производить такие товары, вывоз которых может снабдить страну драгоценными металлами, т. е. дать активный торговый баланс. По общему мнению меркантилистов, активный торговый баланс является преимущественно результатом вывоза промышленных изделий. Чем больше развита промышленность, тем ценнее вывоз, тем больше активность баланса. Меркантилисты, вообще говоря, не отрицали, что и вывоз сельскохозяйственных продуктов может быть выгоден стране, но относительно выгоднее вывоз промышленных изделий. Сукно имеет гораздо большую стоимость, чем шерсть; выгоднее вывозить сукно, чем шерсть. Вообще меркантилисты считали, что надо всячески стремиться развивать национальную промышленность, перерабатывать сырье в фабрикаты и вывозить главным образом последние. Напротив, если ввоз неизбежен, то надо стараться ввозить как можно меньше или совсем не ввозить фабрикатов, а главным образом ввозить промышленное сырье для поощрения национальной промышленности. На этой точке зрения, в общем, стоит и Петти. «Можно больше заработать промышленностью, чем сельским хозяйством, а торговлей больше, чем промышленностью». ** Под торговлей Петти понимает транзитную и внешнюю торговлю. К вопросу о роли налогов Петти подходит и с другой стороны, а именно с точки зрения их влияния на богатство страны. В основном Петти становится тут на меркантилистическую точку зрения. Поскольку налоги не влияют на количество денег в стране и на богатство страны, т. е. не увеличивают и не уменьшают количества денег в ней, они не уменьшают богатства страны.

В отличие от большинства меркантилистов, выступавших против расточительства и роскоши, Петти считает, что они не приносят ущерба богатству страны, поскольку ограничиваются продуктами отечественного производства, т. е. не влекут за собой вывоза денег за границу.

По этим двум вопросам Петти пишет в «Трактате о налогах и податях».

Он начинает с утверждения, что как бы велики ни были налоги, если взятые деньги не выходят из страны, последняя остается

* W. Petty, *Quantulumcunque concerning money*, 1682, вопрос 23-й и ответ на него (W. Petty, *Economic writings*, edited by Hull, т. II, стр. 446).

** W. Petty, *Political arithmetic*, стр. 256.

неизменно богатой по отношению ко всякой другой стране). * Поэтому Петти считает неправыми тех, кто ворчит по поводу того, «что деньги тратятся на увеселения, великолепные зрелища, триумфальные арки и т. п.; на это я отвечаю, что это, собственно, означает переход денег к промышленникам, которые изготовляют соответствующие вещи; и хотя эти промыслы кажутся суетными и обслуживающими только потребности в украшениях, они влекут перелив денег к наиболее полезным промыслам, а именно к пивоварам, пекарям, портным, сапожникам и т. п.» **

Следующим важным пунктом, в котором Петти примыкает к меркантилистам, является вопрос о двух источниках богатства: земле и труде, соответственно чему богатство делится на естественное и искусственное, т. е. на продукты сельского хозяйства и добывающей промышленности, с одной стороны, и на продукты обрабатывающей промышленности — с другой.

Новое у Петти — в том, что он в связи с этим делением делает попытку выразить стоимость продукта в обоих составных факторах; затем он переходит к сведению их к единому источнику — труду; тем самым Петти становится основоположником теории трудовой стоимости, о чем речь будет идти дальше.

Вопрос о роли труда, как одного и важнейшего источника богатства, приводил, как мы видели, меркантилистов к их теории народонаселения и его влияния на рост богатства страны. Аналогичные взгляды на народонаселение мы находим у Петти. В IV главе «Политической арифметики» Петти мы читаем: «Если бы в Англии жил только один человек, вся территория страны давала бы лишь столько, сколько необходимо для существования одного человека; если бы к этому человеку присоединились и другие люди, рента или выгода от той же земли была бы двойной (при присоединении к первому человеку второго), тройной (при прибавлении двух человек) и т. д., пока на этой территории не будет жить столько человек, каковому количеству она сможет только доставить пищу» *** В «Трактате о налогах» Петти резюмирует свои взгляды на население: «Малочисленность народонаселения — действительная бедность. Народ, состоящий из 8 000 000 душ, более чем вдвое богаче, чем народ из 4 000 000 душ, живущий на такой же территории». И Петти особенно ярко выражает связь между населением и трудом, говоря о десятинах (налоге в пользу церкви): «Десятина возрастает на определенной территории по мере того, как возрастает труд этой страны; а труд страны должен расти по мере того, как растет население» **** Все указанные соображения объясняют нам, почему меркантилисты были сторонниками всех мер, ведущих к увеличению населения. К тому же Англия XVII в. далеко не страдала от избытка народонаселе-

* W. Petty, A treatise of taxes and contributions, стр. 32.

** Там же, стр. 63.

*** W. Petty, Political arithmetic, стр. 286.

**** Там же, стр. 77.

ния, определявшегося, по весьма приблизительным подсчетам современников (King), в 6—7 миллионов человек.

Мы находим у Петти также меркантилистические воззрения на производительный труд. Поскольку меркантилисты считают причиной роста богатства страны активный торговый баланс, они рассматривают как непосредственно производительный труд (т. е. труд, увеличивающий богатство страны) тот, который приводит к активному торговому балансу. Это прежде всего и непосредственно — труд, занятый во внешней торговле, косвенно лишь — труд в производстве. На первом месте стоит промышленность, второе место занимает сельское хозяйство.

Эту градацию производительного труда с точки зрения его роли в активном торговом балансе мы находим также у Петти.

Последний вопрос, в решении которого мы находим некоторые черты сходства у Петти с меркантилистами (например с Чайльдом), это — вопрос о проценте.

Вместе с Чайльдом Петти разделяет тот взгляд, что высота процента влияет на цены товаров, а тем самым — на внешнюю торговлю и развитие промышленности. «В Ирландии уровень процента равен 10, что является большим препятствием для торговли, поскольку процент повышает цену ирландских товаров и дает возможность другим нациям конкурировать с Ирландией, продавая свои товары дешевле». По указанию Маркса, называющего Петти, наряду с Буагильбером, основоположником классической политической экономии, меркантилистические воззрения сильнее выступают в его ранних произведениях. «Совершенно законченный, как бы отлитый из одного куска труд представляет собой сочинение Петти «Кое-что о деньгах», опубликованный в 1682 г. Здесь совершенно уже исчезли последние следы меркантилистических воззрений, которые встречаются в других его сочинениях». * Мы выяснили, в каких отношениях можно считать Петти меркантилистом. Если бы вышеуказанным ограничивались взгляды Петти, он не выделялся бы ничем из массы современников-экономистов. Но наряду с обычными меркантилистическими воззрениями мы встречаем у Петти глубоко оригинальные мысли, которые делают из него основателя классической политической экономии. При этом он затрагивает почти все важнейшие вопросы науки: теорию стоимости, теорию денег, проблему прибавочной стоимости, земельной ренты, процента, заработной платы. Этого перечня достаточно для того, чтобы показать, насколько широки интересы Петти и его значение почти для всех проблем политической экономии.

ПРОБЛЕМА СТОИМОСТИ

Роль Петти, как основоположника теории трудовой стоимости, должна быть особенно подчеркнута. До Петти теории стоимости в собственном смысле слова нет; мы не находим ни

* Энгельс, Анти-Дюринг.

у одного меркантилиста даже такого простого вопроса: чем определяется меновая стоимость данного товара? Не нужно смешивать, рассматривая историю вопроса, проблемы стоимости и проблемы цены. Уже в конце XVI столетия Боден формулирует теорию, которая впоследствии получила название количественной теории денег. Она была непосредственно подсказана революцией в ценах, происшедшей в связи с огромным приливом драгоценных металлов из новооткрытой Америки. Но утверждая, что цены товаров пропорциональны количеству золота и серебра в стране и обратно пропорциональны массе товаров, Боден далек от того, что мы понимаем под теорией стоимости. После Бодена и до Петти мы не находим ни у одного из меркантилистов (французских, английских или итальянских) даже попытки двинуться дальше в вопросе о цене и стоимости.

Довольно значительную экономическую литературу вызвали столь обычные в XVI и XVII вв. порча и «повышение» монеты, но и тут даже у наиболее проникательных экономистов (например у Роберта Коттона) дело шло не дальше положения: стоимость монеты зависит не от наименования, а от количества содержащегося в ней драгоценного металла. Издатель собрания экономических произведений Петти Null в предисловии, посвященном характеристике экономических воззрений Петти, считает возможным указать на Гоббса как на автора, натолкнувшего Петти на теорию трудовой стоимости. Null отмечает ошибочно XXIV главу книги Гоббса «О гражданине». На самом деле речь идет о XXIV главе «Левиафана». Кое-что можно найти для характеристики экономических взглядов Гоббса в главе XIII «О гражданине». Мы покажем, путем анализа Гоббса, насколько ошибочно указание Null'я, оспаривающее оригинальность Петти.

Глава XXIV «Левиафана» носит название «О питании и размножении государства». «Питание государства, — говорит Гоббс, — заключается в изобилии и распределении пригодных для жизни веществ. Это изобилие ограничено природой теми благами, которыми нас снабжают две груди нашей общей матери (природы) — земли и море, или же которые она продает человечеству в обмен на труд». Гоббс поясняет дальше смысл последнего выражения: «Материю питания, заключающуюся в животных, растениях и минералах, бог свободно предоставил нам на поверхности земли или вблизи нее; так что мы не нуждаемся ни в чем, кроме труда и трудолюбия, для получения их, поскольку обилие зависит, помимо божьего благоволения, исключительно от труда и трудолюбия людей». Нет страны, которая не обладала бы излишком какого-нибудь продукта. Этот излишек перестает быть таковым, если он выменивается на продукты, производимые в других странах. Последние могут быть получены или путем обмена на собственный излишек продуктов, или посредством войны, или, наконец, в обмен на труд, «так как человеческий труд — тоже товар, который можно выгодно выменять, как и всякую другую вещь». Гоббс имеет в данном случае в виду факты, характерные для Голландии, на которую

вообще в XVII в., начиная уже с Рели, указывало, как на образец для Англии, большинство английских экономистов. Именно к Голландии относятся преимущественно слова Гоббса о странах, которые, «имея не большую территорию, чем необходимо было населению для жилья, не только сохранили, но и увеличили свое могущество отчасти трудом, выражающимся в транзитной торговле, отчасти же продажей промышленных изделий, сырье для изготовления которых было доставлено из других мест». Труд, как мы видим, рассматривается как источник потребительной стоимости, материального богатства.

Обмен труда на товары фактически имеет место уже у ремесленника, работающего из материала заказчика.

Еще более элементарны экономические рассуждения Гоббса в опубликованном значительно раньше произведении «О гражданине». Видеть в приведенных нами рассуждениях даже зародыш трудовой стоимости — совершенно несостоятельно, иначе пришлось бы честь открытия приписать не Гоббсу, а имеющему несравненно больше прав на нее писателю первой половины XVI в. Клементу Армстронгу. В его небольшом произведении мы читаем: «Все богатство государства имеет своим источником труд простого народа».

О выгоде вывоза сырья, превращенного уже в самой стране в промышленное изделие, знают даже самые ранние меркантилисты, т. е. они уже проповедают обмен труда на товары. Тот же Армстронг: «Если бы вся шерсть была обработана в самом королевстве, труд (изделия) народа имел бы гораздо большую стоимость для королевства, чем ныне вся шерсть вместе с дающими ее овцами». Мы могли бы процитировать аналогичные места из знаменитых диалогов Джона Гельса, относящихся к 1547 г. Можно ли проводить хоть какую-нибудь параллель между крайне тощими экономическими мыслями Гоббса, который в этом отношении несколько не интересен, и замечательными взглядами Петти на стоимость и труд, как создателя стоимости? После Петти вопрос о причинах стоимости в той или иной постановке уже не сходит со сцены. Им занимаются в конце того же века, в котором писал Петти, Локк, Барбон, Чемберлен, причем Барбон впервые набрасывает теорию спроса и предложения. Но Петти, повторяем, является первым в истории экономической мысли, кто поставил проблему стоимости и дал в сущности наиболее правильное ее решение, не превзойденное никем до Адама Смита. При этом Петти не бредет бессознательно по никем до него не проложенному пути, а отдает себе ясный отчет во всей важности проблемы. В «Политической анатомии Ирландии», где Петти подходит к стоимости как к производному земли и труда, он считает необходимым выразить стоимость в одном из двух факторов, для чего нужно найти соотношение между ними. Выражение соотношения между землей и трудом, т. е. в конечном итоге выражение стоимости в труде, Петти называет важнейшей проблемой в политической экономии.

Мы находим у него различие цены и стоимости. Первая —

это так называемая «политическая» цена, стоимость же он называет естественной ценой. Излагая теорию стоимости, Петти заключает свое изложение фразой, свидетельствующей о том, что он видел в стоимости не непосредственную внешность явлений, а их глубокое основание, скрытое под сложной надстройкой.

Что стоимость определяется трудом, затраченным на производство, и только им, видно по следующей цитате из «Трактата о налогах»: «Если бы кто-нибудь добыл из рудников Перу и привез в Лондон унцию серебра, затратив на это то же самое количество времени, в какое он мог бы произвести бушель зерна, то одно было бы естественной ценой другого; если бы, благодаря новым, более богатым рудникам ему удалось бы так же легко добыть две унции, как прежде одну, то зерно, при цене в 10 шиллингов за бушель, было бы теперь так же дешево, как прежде при цене 5 шиллингов *ceteris paribus*». * Совершенно также определяет Петти в другом месте того же сочинения сравнительную стоимость хлеба и серебра, но только вводит в свои расчеты земельную ренту: «Представим себе, что какой-нибудь человек в состоянии обработать собственными руками определенное пространство земли, вспахать, заборонить, засеять, снять и свезти зерно, обмолотить, провеять, — словом, сделать все, чего требует земледелец, и что у него есть достаточное количество семян, чтобы засеять поле. Если он вычтет из урожая семена, а равно и все то, что он потребил сам и отдал другим в обмен на платье и другие необходимые ему предметы, то остаток зерна составит естественную и действительную ренту за данный год». **

Если мы выразим современным экономическим языком расчет Петти, то можно сказать, что он представляет продукт (стоимость) как сумму двух частей, так как его рента в сущности есть прибавочная стоимость. Петти ставит вопрос, как выразить эту ренту (прибавочную стоимость) в деньгах: «Следующий, хотя несколько особняком стоящий вопрос, может быть: в каком количестве английских денег выражается стоимость этого зерна или ренты? Я отвечаю: она равна сумме денег, которую другой человек мог бы сберечь в то же самое время за покрытием своих расходов, если бы он всецело занялся производством денег. Предположим, что этот другой человек отправляется на серебряные прински, добывает там серебро, очищает его, перевозит его в то место, где первый производит свое зерно, чеканит из серебра монету и т. д. Предположим далее, что это лицо во все время производства серебра приобретает также необходимые средства пропитания, одежду и т. д. Серебро второго должно быть равно по стоимости зерну первого; если серебра имеется, положим, 20 унций, а хлеба 20 бушелей, то цена одного бушеля зерна будет равна одной унции серебра». *** Петти приравнивает стоимость всей добытой массы се-

* W. Petty, A treatise of taxes and contributions, стр. 43.

** Там же, стр. 50—51.

*** Там же, стр. 43.

ребра за вычетом того количества, которое было затрачено на существование производителя, к количеству хлеба, произведенного такой же затратой труда, за вычетом средств существования производителя. Петти мог бы обойтись без расчленения стоимости на заработную плату и прибавочную стоимость, но в данном случае его интересовало определение прибавочной стоимости в хлебе.

Петти не только определяет стоимость затратой труда, но попутно отмечает трудности количественного приравнивания качественно разнородных видов труда и разрешает эту задачу: «Поскольку производство серебра, быть может, требует большего умения и сопряжено с большими случайностями, чем производство зерна, все же это сводится к одному: пусть сто человек занимаются в течение десяти лет производством зерна, и столько же народу в течение того же времени — производством серебра. Я утверждаю, что совокупный чистый продукт серебра равен совокупному чистому продукту зерна и что цена определенной части одного продукта равна цене такой же части другого».*

Задача сведения сложного труда к простому также остроумно разрешена Петти, который рассматривает сложный труд как более производительный. Ведь в конце концов важно не правильное решение Петти той или иной частной проблемы, а самое дерзание «найти равенство между искусством и простым трудом».

Хотя стоимость определяется трудом, однако непосредственно она измеряется двойной мерой: землей и трудом. «Но то, что я должен сказать по этому поводу, это — то, что все вещи должны измеряться двумя естественными мерами; таковыми являются земля и труд, т. е. мы должны сказать, что овца или одежда стоит такого-то количества земли и такого-то количества труда; так как и овцы и одежда — продукт земли и человеческого труда на ней». Тут мы сталкиваемся с мыслью, которая нашла хороший прием у ряда крупнейших экономистов после Петти, особенно у Локка и Кантильона.

Определение стоимости товара землей и трудом свидетельствует о том, что Петти видит в труде только его конкретный характер, а в товаре — потребительную стоимость. Как потребительные стоимости, все товары для своего создания нуждаются в материале, непосредственно данном природой, землей, и в различных видах производительного, полезного труда, видоизменяющих природу. В этом именно смысле нужно понимать сведение всякого товара к земле и труду. Особенно ярко эта мысль выступает у одного из «верных» (наиболее заимствовавших) последователей Петти — английского философа Джона Локка. У самого же Петти мысль о сведении стоимости к земле и труду не получает дальнейшего развития. Таким образом Петти обнаруживает верный экономический инстинкт, не развивая в сущности неправильной линии в вопросе о стоимости, после того как он дал правильное решение вопроса.

* W. Petty, A treatise of taxes and contributions, стр. 43.

Локк, уже после Петти, пытается установить отношение между стоимостью как продуктом земли, и той долей стоимости, которая является продуктом труда. Петти, следовательно, как мы уже говорили, не случайно наряду с выражением стоимости через труд применяет также определение стоимости трудом и землей. Он в этом отношении частично примыкает к меркантилистам, и его правильное чутье сказалось в том, что он сумел перейти от этого определения к истинному. Если Локк еще оставляет для стоимости, созданной землей, одну десятую или одну сотую всей стоимости товаров, то Петти ничего не оставляет стоимости из земли в своем втором определении.

Отметим еще пару замечаний Петти. Он пишет: «Пропорция между хлебом и серебром означает лишь искусственную стоимость, а не естественную по причине сравнения между вещью естественно полезной и вещью самой по себе бесполезной».* Очевидно это место нужно понимать так, что выражение стоимости хлеба в серебре не есть адекватное выражение стоимости. Последнее же мы получаем, когда рассматриваем выражение стоимости в труде. Поэтому вышеприведенную цитату он через несколько слов так продолжает: «Естественная дешевизна или дороговизна зависят от большего или меньшего количества рук, необходимых для получения средств существования: хлеб дешевле, когда один человек производит для десяти, чем тогда, когда он производит для шести». ** В вопросе о стоимости денег, т. е. драгоценных металлов, мы находим у Петти также двойственную позицию, причем наряду с неправильным взглядом, характерным для его предшественников, и более правильное решение.

Наконец, у Петти мы находим также представление о меновом обществе, как целом, которое лежит в основе теории трудовой стоимости у Смита: «Если на определенной территории живет тысяча человек, — пусть сто из них производят пищу и одежду для всей тысячи; двести производят товары в таком количестве, сколько можно выменять у других народов на товары или деньги; четыреста заняты украшениями, предметами комфорта и благолешия для целого; допустим, что есть еще двести правителей, священников, судей, врачей, оптовых и розничных торговцев, всего 900 человек».***. Хотя эта таблица имеет целью показать наилучшее применение для сотни лишенных средств к существованию бедняков путем использования их труда в постройке дорог и прочих общественных работах, но она вместе с тем показывает, какое представление имел Петти об общественном разделении труда и о структуре товарного хозяйства, в котором каждое звено общественного разделения труда вырабатывает товары для всего общества и получает необходимые товары, производимые другими, путем обмена на свои. Это неизбежно приводит к труду как основе

* W. Petty, A treatise of taxes and contributions, стр. 89 — 90.

** Там же.

*** Там же, стр. 30.

стоимости, поскольку представляет обмен товаров, как обмен трудовых затрат.

Не лишне будет отметить, что Петти и в вопросе о деньгах стремился провести точку зрения теории трудовой стоимости и выгодно отличается этим не только от своих непосредственных преемников, но даже от Смита и Рикардо. Мы имеем в виду объяснение у Петти соотношения стоимости золота и серебра. Обычная для этой эпохи и для количественной теории денег вообще точка зрения выводит отношение стоимости обоих драгоценных металлов из их сравнительных количеств. Петти же объясняет пропорцию стоимости из относительной производительности занятого в их производстве общественного труда, т. е. из сравнительной затраты труда на их производство. «Пропорция стоимости между чистым золотом и серебром меняется, когда земля и человеческий труд производят больше одного, чем другого». * Несмотря на такой способ выражения, совершенно очевидно, что земля здесь фигурирует не как нечто самостоятельное, а как естественный элемент, обуславливающий производительность труда.

Мы рассмотрели все рассеянные по произведениям Петти отрывки, имеющие непосредственное отношение к теории стоимости. Нам остается остановиться на особняке стоящем у Петти определении стоимости товара не трудом, затраченным на его производство, а заработной платой (точнее — количеством дневных пайков) произведшего его рабочего. «Я оценил ирландскую хижину количеством дневных пайков, которые мастер потребил во время ее производства». ** Маркс замечает по этому поводу, что для Петти этот способ выражения не имеет непосредственной связи со стоимостью, а аналогичен цене (т. е. денежному выражению). Подобно тому как стоимости двух товаров пропорциональны их ценам, так они пропорциональны и приведенному у Петти мерилу (количеству дневных пайков). Это — удобное мерило сравнительной стоимости, в силу своего постоянства, такое же удобное, как денежное мерило, «вследствие чего средний дневной паек человека, а не дневной труд — обычное мерило стоимости и кажется столь же регулярным и постоянным, как и стоимость чистого серебра». *** Напомним, что у Смита мы также встречаемся с двойственным определением стоимости товара. Маркс подводит такое резюме теории стоимости Петти: «У него имеются три определения стоимости, перекрещивающиеся друг с другом: а) величина стоимости, определяемая равным количеством рабочего времени, причем труд рассматривается как источник стоимости; б) стоимость как форма общественного труда; поэтому деньги представляются действительным выражением стоимости; в) смешение труда как источника меновой и потребительной стоимости, причем он предполагает естественный материал (землю). В действительности же

* W. Petty, The political anatomy of Ireland, стр. 183.

** Там же, стр. 182.

*** Там же, стр. 181.

Петти разрушает отношение равенства между землей и трудом, так как он представляет цену первой как капитализированную ренту и, следовательно, говорит о земле не как об естественной основе реального труда.*

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

Денежная проблема была у экономистов XVII в. не столько теоретическим, сколько практическим и злободневным вопросом. Государственная власть часто вмешивалась в регулирование денежной системы, причем это вмешательство носило грубый и бесперомонный характер, часто становясь поперек интересам торговой буржуазии. В XVI и даже в начале XVII вв. в правительстве еще господствуют представления, получившие название системы денежного баланса. Основной принцип государственной политики сводился к тому, чтоб удержать в стране деньги путем запрещения их вывоза и всячески поощрять ввоз денег в страну. Эта политика характерна для первых ступеней денежного хозяйства при слабом развитии международного обмена. Уже в начале XVI в. Клемент Армстронг жалуется на то, что английские купцы перестали следовать принципу продажи шерсти во Фландрию за наличные деньги, благодаря чему государство всегда имело в изобилии драгоценные металлы. Вместо этого они стали ввозить товары и прибегать к векселям в своих расчетах.

Хотя, как мы видим, система денежного баланса устарела для XVI в. (начала), она была еще распространена до известной степени и в XVII в. Так, Ост-Индской компании, основанной в 1600 г., приходилось часто брать разрешение на вывоз испанских серебряных реалов — наиболее ходкой европейской монеты в Ост-Индии, причем это разрешение ей давалось на определенную, строго ограниченную сумму. Такая политика рано разошлась с потребностями торгового капитала, нуждавшегося в вывозе денег для прибыльных торговых операций в колониях и на внешних европейских и внеевропейских рынках. На место системы денежного баланса вырабатывались система и теория торгового баланса. Вывоз денег должен быть свободным, если в итоге страна получит больше денег. Запрещение вывоза денег наряду с грубыми полицейскими формами дополнялось и более тонкими псевдо-экономическими мерами. Чтобы деньги не уходили из страны вследствие колебаний вексельного курса, считалось необходимым последний регулировать: все расчеты по векселям производить по строго установленному курсу через правительственную расчетную палату. Наконец, как один из способов удержания денег в стране рекомендовались порча и «повышение» монеты; и то и другое сводилось в основном к тому, что количество драгоценного металла в монете понижалось, при сохранении неизмен-

* К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 21.

ного наименования, путем примеси большей лигатуры или деления одного фунта чистого серебра на большее количество шиллингов.

У писавшего в 1635 г. Вогана мы находим подробный анализ всех доводов за и против перечисленных операций с монетой. Рассмотрим, в частности, то значение, которое придавали повышению монеты. Одним из важных соображений политики денежного баланса было, как мы видели, стремление удержать деньги в стране. Поскольку экономистами того времени стоимость монеты связывалась с ее наименованием, считалось, что при повышении монеты иностранным купцам выгодно будет ввозить свои деньги в страну с повышенной валютой, так как перечекавив ее в национальную монету, они могли купить больше товаров. То же соображение должно было помешать отливу национальной монеты в чужие страны. Совершенно такими же доводами обосновывалась порча монеты или взимание особой платы за чеканку.

Порча или повышение монеты возбуждали страстные споры, потому что задевали экономические интересы различных социальных групп. Это было широко распространенным методом пополнения государственной, точнее — королевской, казны. Как в Англии, так и особенно во Франции короли широко злоупотребляли этим методом, несмотря на то, что это было орудие с двух концов. Если оно временно увеличивало (до повышения товарных цен) покупательные средства казны и соответственно сокращало ее долги, то оно впоследствии понижало всяческие поступления в государственную казну (налоги, платежи за землю) соответственно падению покупательной силы монеты. Повышение денег тяжело отражалось на кредиторах — рантье и на землевладельцах, рентные платежи которым имели установленную договорами или обычаям денежную величину, наконец, на ремесленниках и рабочем классе, заработная плата которых отставала от роста цен. Это вызывало жалобы на дороговизну. Если основной причиной дороговизны в XVI в. было влияние прилива драгоценных металлов в Европу в связи с открытием Америки, то все же немалое значение имела и порча монеты, как на это указывает Джон Гельс, для которого второй причиной (прилива драгоценных металлов) еще не было. Замечания о влиянии притока драгоценных металлов в сочинении Гельса представляют позднейшую вставку, быть может, издателя Стаффорда под влиянием Бодена.

Теоретические взгляды Петти на деньги высказаны им в связи с намечавшимися в Англии начиная с восьмидесятых годов XVII столетия планами денежной реформы, обусловленными принявшей грандиозные размеры стрижкой монеты и выросшей на этой основе спекуляцией полновесной серебряной монетой. Сама реформа была осуществлена только в 1695 г., причем она затрагивала самые разнообразные экономические интересы и послужила поводом к чрезвычайно ценной теоретической дискуссии о деньгах (Барбон, Норе, Локк, Лоундес и т. д.). Гвоздем реформы был вопрос о том, за чей счет должна быть произведена пере-

чеканка монеты, т. е. кто должен взять на себя потери от превращения старой неполноценной монеты в новую полноценную с соответственно понизившимся наименованием.

Однако раньше чем перейти к постановке проблемы денег у Петти, мы кратко коснемся разработки вопроса у двух предшественников Петти — Роберта Коттона и Вогана. В относящемся к 1609 г. произведении первого: «Какими способами и средствами английские короли периодически поддерживали и улучшали свой бюджет» — мы находим такую оценку установившейся практики повышения монеты: «Этим некоторые короли как будто выигрывали, но на деле этот способ чреват опасностями и недоверием к государству, и в конечном итоге он даже невыгоден королю. Поскольку государственные доходы заключаются по преимуществу в ренте определенного размера, они должны в истинной своей стоимости, если не словесно (т. е. в наименовании), понизиться в той же пропорции, в которой понижены деньги. И каждый человек будет оценивать свой товар при продаже не соответственно количеству пенсов или фунтов, но по весу чистого серебра, содержащегося в ходячей монете». К этому Коттон добавляет: «Деньги оцениваются не просто по чеканке или наименованию, но по весу металла в монете. Серебро является таким же товаром, как и другие, и свою оценку подучает от своего качества».

В другом произведении, относящемся к 1627 г., — «Речь Роберта Коттона об изменении монеты», мы находим объяснения причин, требующих неизменности содержания металла в монете. «Чтобы избежать хитростей, связанных с обменом, деньги были установлены как показатель и мерило для товара; если они непостоянны, никто не может с уверенностью сказать ни что он имеет, ни что он должен; никакой договор не может быть прочным; как общественная, так и частная торговля неизбежно будет разрушена, и люди будут снова вынуждены обмениваться вещами, не подверженными обману»... «Короли не могут, — говорит Коттон, — изменить ценность денег к ущербу для подданных, не подвергаясь упреку в изготовлении фальшивой монеты». В другом месте того же произведения он впервые устанавливает различие между внутренней и внешней стоимостью денег. «Я должен различать золотые и серебряные деньги, поскольку они деньги или товар и поскольку они — мера: одно, внешнее качество, подлежит наименованию в зависимости от произвола короля, подобно другим мерам; другое, внутреннее содержание чистого металла, подлежит оценке купца. Соответственно тому как мера уменьшается или увеличивается, так изменяется и количество измеряемого в ней товара. Отсюда необходимо следует, что все вещи первой необходимости, равно как предметы роскоши, должны повыситься в цене. Кто же потерпит от повышения монеты? Король, знать и вообще все те, кто имеет ранее установленные ренты, годовые доходы, пенсии и займы. Точно также пострадают рабочие и ремесленники в силу реального уменьше-

ния установленной статутом заработной платы». Наконец приведем другую цитату: «Золото и серебро имеют двойную оценку: внешнюю, поскольку они монета, т. е. королевские меры, данные народу, и это — прерогатива короля устанавливать их; внутреннюю, поскольку они товары, оценивающие себя взаимно (т. е. золото оценивает серебро и наоборот), соответственно их обилию или редкости, а также все другие товары оцениваются ими; и эта оценка исключительно во власти торговли». Предложение повысить монету подсказано, по мнению Коттона, ювелирами, заинтересованными в том, чтобы выигрывать на вывозе из страны старой полноценной монеты. Нужно иметь в виду, что ювелиры до учреждения Английского банка в 1694 г. играли большую роль в торгово-промышленной жизни страны в качестве банкиров, сосредоточивавших у себя огромные денежные средства. Достаточно напомнить конфискацию Карлом II их заемных средств, хранившихся в Туэре.

Воган свое единственное произведение «Рассуждение о деньгах и чеканке» целиком посвящает теории денег. Он не скрывает сложности этой проблемы, но самонадеянно собирается раскрыть внимательному читателю все тайны денег. Поскольку знакомство с двумя авторами (Воганом и Коттоном) имеет целью лишь раскрыть место, занимаемое в истории теории денег Петти, мы не будем останавливаться подробно на Вогане, а дадим лишь краткую характеристику его взглядов. Воган объясняет, почему золото и серебро стали выполнять функции денег. Это объясняется, во-первых, тем, что они полезны и, следовательно, обладают стоимостью. Лучше же других товаров они подходят к роли денег потому, что обладают определенными естественными свойствами: не слишком распространены, делимы, их части снова соединяются в единое целое, легко принимают любую форму, что облегчает чеканку, не изменяются в своем качестве от времени. Воган целиком принимает ту точку зрения, что внутренняя стоимость монеты не зависит от чеканки и определяется исключительно содержанием драгоценного металла. «Я хочу затем опровергнуть важную и широко распространенную ошибку, заключающуюся в убеждении многих, будто короли могут дать золоту и серебру такую стоимость, какую пожелают, повышая или понижая монету; на деле золото и серебро сохраняют то же отношение к другим вещам, какое придадо им общее согласие прочих народов, с которыми существуют торговые сношения; благодаря такой торговле всякое повышение цены золота или серебра тотчас же соответственно повышает цены всех товаров». Всеобщую стоимость драгоценных металлов, т. е. ту их стоимость, которая устанавливается в международной торговле, Воган называет внутренней. Она зависит исключительно от содержания драгоценного металла в монете. Внешней же стоимостью Воган называет ту, которую дает монете чеканка. Чеканка монеты первоначально имела назначением только свидетельствовать о пробе, наименование же монеты

обозначало вес драгоценного металла. Впоследствии чеканка стала обозначать не только пробу, но и вес. При желании можно найти у Вогана намек на различие потребительной и меновой стоимости. «Польза и удовольствие, или мнение о существовании таковых, — вот причина, почему вещи получают цену и стоимость, и их относительная цена или стоимость целиком определяется их редкостью или изобилием; поэтому относительная стоимость золота и серебра должна быть различна в разное время и в разных местах, соответственно редкости или изобилию этих металлов». Воган впервые ставит вопрос о количестве денег, необходимых для обслуживания обращения, и считает, что их может быть недостаточно или слишком много. В заключение Воган считает, что деньги должны цениться и приниматься исключительно по весу.

Итак, оба виднейшие предшественники Петти бесповоротно осудили манипуляции с монетой, исходящие из неправильного представления, что стоимость монеты определяется правительственной чеканкой, а не действительным содержанием драгоценного металла. Но вопрос о собственной стоимости денег остался совершенно нерешенным или был решен неправильно. Единственной теорией до Петти является взгляд, высказанный еще в 1576 г. Боденом, по которому цена товаров определяется соотношением между количеством товаров и денег. Его принимает издатель сочинений Гельса Вильям Стаффорд. Наконец, его формулирует один из крупнейших авторитетов начала XVII в. Герард Меляйнс в следующей форме: «Изобилие или количество товаров, и много или мало покупателей, или недостаток в товарах — вызывает повышение или понижение цен; и точно также изобилие денег делает вещи дорогими, а недостаток денег делает их очень дешевыми, в силу свойства, присущего монете как истинному мерилу».* У Вогана мы находим более отчетливую формулировку количественной теории, которая сочетается с определением относительной цены товаров их сравнительной редкостью или изобилием. У Петти же, как нам уже известно, вопрос решается в том смысле, что стоимости товаров определяются сравнительным количеством затраченного на их производство труда, причем такое определение стоимости относится как к товарам в собственном смысле слова, так и к деньгам, которые Петти также считает товаром. Следовательно, количественной теории денег у Петти нет.

Главным произведением, содержащим мысли Петти о теории денег, является «Кое-что о деньгах», кроме того отдельные, иногда очень важные замечания рассеяны по всем другим произведениям Петти. Эта небольшая брошюра написана в связи с проектом денежной реформы и представляет собой ответ на 31 вопрос. Даже в это время вопрос, не является ли пониженная монета (т. е. содержащая меньше драгоценного металла) гарантией против плавки и вывоза в другие страны серебра и золота, возбуждал серьезное внимание. Поскольку, с точки зрения Петти, реальная

* G. Maly nes, The unmasking of two paradoxes etc., 1601.

стоимость монеты определяется исключительно весом металла, а не чеканкой и наименованием, последние не могли оказать никакого влияния на вывоз монеты. В вопросе 9-м спрашивается: «Если бы шиллинг при новой чеканке был доведен до $\frac{3}{4}$ своего теперешнего веса, то не будем ли мы вследствие этого иметь на $\frac{1}{3}$ больше монет и не будем ли мы во столько же раз богаче?» Ответ отрицателен. Власть не может придать уменьшенной монете прежней покупательной силы. Поэтому Петти высказывается с неодобрением обо всех попытках государственной власти испортить или повысить монету, называя их государственным банкротством. Он также противник всех законов (английских), запрещающих вывоз монеты, считая их противоречащими законам природы.

Нам остается заняться еще одной проблемой, если не впервые поставленной, то, по крайней мере, впервые решенной Петти, а именно вопросом, сколько денег нужно стране для обслуживания обращения. Ответ Петти замечателен. Мы находим его в «*A treatise of taxes and contributions*». Он исходит из двух моментов: размера расходов и скорости обращения. Рассчитав, что годичный расход нации составляет 40 000 000 фунтов стерлингов, и исходя из того, что огромное большинство бедняков (ремесленников и рабочих) получает зарплату раз в неделю, Петти устанавливает потребность в деньгах для этой цели в $\frac{40}{32}$ от одного миллиона фунтов стерлингов. Дальше, принимая во внимание, что платежи за землю и налогов производятся четыре раза в год, если бы необходимо было в такие сроки уплатить сумму в 40 000 000 фунтов стерлингов — понадобилось бы десять миллионов. Петти в заключение берет среднюю арифметическую обоих чисел, что составляет $5\frac{1}{2}$ миллионов.

Нами уже рассматривались взгляды Петти на денежную реформу. Мы у него находим правильные, вполне современные представления о биметаллизме, который применялся в современной ему Англии. Уже в «Трактате о налогах» мы читаем: «Люди измеряют вещи золотом и серебром, но преимущественно последним; не может быть двух мер, и следовательно лучшая из двух должна быть единственной». Второй металл, т. е. золото, уже не является деньгами, а только товаром. Наконец мы находим у Петти правильное понимание сущности билонной (разменной) монеты. Количество ее должно быть строго ограничено потребностью, поскольку она не полиоценна. А эта потребность зависит от нужд размена и от размера наименьшей серебряной монеты. Поэтому если мы, скажем, уменьшим наименьшую серебряную монету с шести до двух пенсов, потребность в разменной монете значительно сократится. Общая теория денег у Петти представляет несомненный прогресс по сравнению со всеми предшественниками и значительно превосходит то, что дали преемники Петти. Некоторое преувеличенное представление о роли денег в хозяйстве страны и в связи с этим теория торгового баланса общи Петти со всеми меркантилистами.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс начинает с Петти, как основоположника учения о прибавочной стоимости. Маркс совершенно прав в этой оценке Петти. Основные вехи учения о прибавочной стоимости, как известно, могут быть сведены к следующим: 1) теория трудовой стоимости; 2) стоимость рабочей силы; 3) прибавочная стоимость; 4) ее подразделения (прибыль, рента и процент). Для правильной оценки значения Петти необходимо иметь в виду, что до него теории прибавочной стоимости, как и теории стоимости, — нет. Впрочем, и после Петти теория прибавочной стоимости существует даже у Смита и Рикардо в неразвитой форме, причем они ее смешивают с ее подразделениями: прибылью и рентой.

Мы показали выше, что Петти впервые формулирует теорию трудовой стоимости. То же можно сказать в отношении теории прибавочной стоимости. Однако и здесь мы можем указать на некоторые зачатки представлений о прибавочной стоимости, как продукте труда. Прежде всего отметим особняком стоящую фигуру Питера Чемберлена, автора «Poor man's advocate». Как и многие меркантилисты, он указывает на труд бедняков как на важнейший источник общественного богатства. «Всеякое богатство происходит из труда и трудолюбия бедняков». В другом месте он пишет: «Единственное богатство государства заключается в применении труда бедняков и в превращении тех, кто не работал, в трудящихся». Мы сказали, что эти мысли не представляют ничего исключительного для эпохи меркантилизма, но Чемберлен от них переходит к прибавочному продукту. Он — автор полу-социалистического проекта организации труда бедняков, который столетия спустя нашел себе горячего защитника в лице Джона Беллера. Предлагая создать капитал для организации коммунистических общин, он заранее отводит возражения о непроизводительности такого применения капитала: «Бедняки не только не уменьшают капитала, но, напротив, улучшают и увеличивают его». Особенно же замечательно следующее место: «Все должны заметить, особенно это относится к государственным людям, что на бедняков не следует смотреть как на бремя, но как на величайшее сокровище нации, если труд их правильно и хорошо организован. Это особенно становится очевидным, если мы, во-первых, примем во внимание, что хотя бедняки размножаются быстрее богачей, они не только кормят и одевают самих себя, но сами богачи получают пищу, одежду, и становятся богатыми за счет того, что дает труд бедняков сверх необходимого для их собственного содержания». Если приводимая нами цитата, совершенно недвусмысленно указывающая на прибавочный продукт, который дает труд бедняков, покажется недостаточной или жалким намеком человеку, избалованному знакомством с марксовой теорией, то мы только напомним, как тщательно Маркс собирал у своих ближайших предшественников выра-

жения на эту тему, едва ли превосходящие определенностью и четкостью приведенную нами цитату.

С противопоставлением труда, как источника прибавочной стоимости, внешней торговле, которая реализует существующие богатства, мы встречаемся уже после Петти в трактовке производительного труда, как труда, создающего прибавочную стоимость. Приведем несколько примеров такого понимания. Reynell считает некоторые профессии производительными потому, что занятые в них зарабатывают больше денег, чем расходуют. «Существуют некоторые ремесла и занятия, что даже женщины и восьми — девятилетние дети зарабатывают больше, чем они тратят».* Отчетливее это понимание выступает у R. Coke'a. При разделении труда последний становится высокопроизводительным. «Провидение так заботится о трудолюбивых людях, что едва ли найдется такой человек, который не мог бы своим трудом заработать больше, чем необходимо для удовлетворения его потребностей, и поскольку человек, будучи трудолюбивым, зарабатывает сверх необходимого для удовлетворения своих нужд, это выгодно для него самого и его семьи и обогащает государство».** Однако представление о прибавочной стоимости чаще встречается у позднейших представителей разложения меркантилизма. В этом отношении особенно замечательны взгляды Bellers'a, который резко расходится с меркантилистами в оценке внешней торговли: «Земля и труд — основа богатства, и чем меньше у нас незанятых рабочих рук, тем быстрее возрастает наше богатство; расходовать меньше, чем мы производим, гораздо более надежное средство стать богатыми, чем какое бы то ни было сравнение импорта и экспорта».** Специально на вопросе о производительном труде останавливается T. Dalby. Он делит население страны на три группы: 1) людей, которые потребляют больше, чем зарабатывают; 2) людей, потребляющих столько же, сколько они зарабатывают, и, наконец, 3) людей, потребляющих меньше, чем они зарабатывают. Относительно первых он говорит: «Такой человек является меньшим бременем для страны, чем тот, кто ничего не делает». Вторую группу он не считает бременем. Относительно же третьей он говорит: «Но тот человек, который своим трудом не только содержит себя и семью, но и обогащается сам, в меру своего обогащения увеличивает внутреннюю стоимость государства»****.

Особенно интересны рассуждения о производительном и непроизводительном труде Pollexphen'a: «Хотя во всех нациях всегда были различные сословия и группы людей, но нельзя достаточно подчеркнуть то обстоятельство, что дворянин, хотя бы он имел земли, приносящие 10 000 или 20 000 фунтов стерлингов в год,

* Reynell, *The true english interest*, стр. 53.

** R. Coke, *A treatise wherein is demonstrated etc.*, стр. 2—3.

*** J. Bellers, *Essays about the poor. manufactures etc.*, стр. 12.

**** T. Dalby, *An historical account of the rise and progress etc.*, 1695.

или даже золотые рудники, а также священники, юристы, врачи, каковы бы ни были их заслуги или притязания на доход, вовсе не обогащают нации. И хотя они сами обладают богатством, но остались бы без помощи работающих без всяких средств к существованию и денег для приобретения их... Если те, чье богатство и все необходимое зависят от пота и труда других людей, многочисленнее по сравнению с теми, чей труд снабжает их всем необходимым, то существует опасность, что богатство нации будет потреблено, в результате чего возникнут недостаток и бедность.*

В приведенных нами выдержках характерно стремление связать рост богатства с трудом, а не непосредственно с внешней торговлей. Все же в большинстве случаев можно допустить, что их авторы еще не выходят за пределы меркантилистических представлений. Ведь и у Мена и у Миссельдена, правоверных меркантилистов, трудолюбие и бережливость, избыток производства над потреблением, рассматриваются как условия роста богатства. Однако, в некоторых случаях мы имеем четкое противопоставление роста богатства от прибавочного труда (прибавочного продукта) активному торговому балансу. Таковы взгляды Беллера и Полекефена. Эти новые представления, приближающиеся к взглядам классической политической экономии, значительно учащаются после Петти.

Перейдем к изложению взглядов Петти на прибавочную стоимость. Последняя представлена у него только в двух частных формах: земельной ренты и денежной ренты (процента).

Петти земельная рента представляется истинной и первоначальной формой прибавочной стоимости. Она еще не обособилась от прибыли и не выделилась в особую от нее категорию. Но по существу то, что Петти называет земельной рентой, не есть земельная рента в современном смысле слова, а скорее прибыль и рента, т. е. вся прибавочная стоимость.

Приведем определение ренты, которое мы находим в первом произведении Петти от 1662 г.: «Представим себе, что какой-нибудь человек в состоянии обработать собственными руками определенное количество земли: вспахать, заборонить, засеять, снять с десятии зерно, обмолотить, провеять, словом — сделать все, чего требует земледелие, и что у него есть достаточное количество семян, чтоб засеять поле. Если он вычтет из урожая семена, а равно и все то, что он потребил сам и отдал другим в обмен на платье и другие необходимые ему предметы, то остаток зерна составит естественную и действительную ренту за данный год, а среднее за семь лет или, лучше, за целый ряд лет, в течение которых чередуются недороды с обильными урожаями, даст обычную земельную ренту, выраженную в зерне». То, что Петти называет рентой, есть весь прибавочный продукт или натуральное выражение прибавочной стоимости. Он представляет его в денежном выражении, приравнивая к прибавочной стоимости,

* Pollexphen, Of trade, стр. 44—45.

заклученной в добытом за то же рабочее время серебре. Петти заранее предполагает однородность этих различных видов труда или сведение их к одинаковому труду.

В приведенной нами выдержке Петти рассматривает земельную ренту, т. е. прибавочную стоимость, как продукт труда. Но мы у него находим другое место, в котором он принимает наличие ренты от земли (а не труда) и устанавливает отношение между землей и трудом. Это место находится в «Политической анатомии Ирландии». «Вопрос об определении стоимости земли, — говорит Петти, — приводит меня к важнейшему вопросу политической экономии, а именно: как провести сравнение и установить равенство между землей и трудом так, чтобы выразить стоимость одного через другое». Способ, к которому прибегает Петти для разрешения этой проблемы, сводится в основном к следующему. Допустим, что мы помещаем на огороженную пахотную площадь в два акра теленка для откорма и что он за год увеличивается в весе на известную величину. Это количество мяса плюс процент за год на сумму, представляющую первоначальную цену теленка, есть годичная земельная рента. Если же мы приложим труд человека к этому участку и получим большее количество пищевых рационов для откорма теленка, то избыток и представит стоимость, созданную трудом и выраженную в тех же единицах, т. е. в кормовых рационах, для теленка. С этой точки зрения земля создает стоимость сама по себе, без вложенного в нее труда. Труд и земля — два источника стоимости, существования материальных благ. Петти, как видим, стоит здесь на той точке зрения, которая выражена впоследствии Локком в его «Двух трактатах о гражданской власти»: «Акр земли, который приносит здесь 20 бушелей пшеницы, и другой — в Америке, который при том же ведении хозяйства доставляет такой же урожай, несомненно обладают одинаковой естественной внутренней стоимостью. Но выгода, которую человечество получает от одного в год, составляет 5 фунтов стерлингов, а выгода, предоставляемая другим, быть может меньше одного пенса, если бы мы ее расценили и продали здесь, или, можно сказать, едва ли составляет одну тысячную. Следовательно, труд дает наибольшую часть стоимости, получаемой от земли, которая без него едва ли имела бы какую-нибудь ценность. Ему мы обязаны наибольшей частью всех продуктов земли, ибо все сено, хлеб от посеянного акра, поскольку он превосходит продукт акра столь же хорошей земли, если она не обработана, есть результат труда».

Вторым моментом, который необходимо рассмотреть в проблеме прибавочной стоимости, является вопрос о стоимости рабочей силы. Но Петти, труд обладает способностью давать, за вычетом стоимости рабочей силы, еще избыток, который есть прибавочная стоимость. Это относится не только к земле и сельскому хозяйству, но и ко всем другим продуктам, в частности к драгоценным металлам. Что представляет собой заработная плата? Говоря о влиянии повышения денег на заработную плату, Петти пишет: «Если бы

было объявлено, что заработная плата не должна повыситься вследствие повышения денег, то такой акт был бы только налогом на рабочих, принуждая их терять половину своей заработной платы, что было бы не только несправедливо, но и невозможно, если они не в состоянии жить на эту половину (чего нельзя предположить), ибо в этом случае закон, определяющий заработную плату, был бы плох, так как он должен предоставлять рабочим ровно столько, сколько необходимо для жизни; если вы дадите рабочему вдвое больше, он будет работать вдвое меньше времени и сделает половину прежней работы. Мы не останавливаемся подробно на проблеме прибавочной стоимости, поскольку вопрос исчерпывающе представлен у Маркса.

Перейдем к определению цены земли у Петти. Отметим прежде всего, что связь, существующая между ценой земли и процентом на денежный капитал, установлена до Петти. У Кельпепера-старшего, писавшего в 1624 г., мы находим впервые следующее изображение о соотношении процента и цены земли: «То, что имеет большее значение, чем все остальное, и является величайшим грехом против земли, это — то обстоятельство, что высокий процент делает землю дешевой». В другом месте того же произведения он еще отчетливее выражает эту мысль: «Я рекомендую им (ростовщикам) припомнить, что то, что они теряют на деньгах (от низкого процента), они выигрывают на земле; земля и деньги всегда находятся в противоположном отношении, и там, где деньги дороги (т. е. процент на денежный капитал высок), земля дешева, и наоборот, где деньги дешевы — земля дорога». Петти за исходный пункт берет цену земли, а высоту денежного процента определяет, исходя из соотношения между ценой земли и земельной рентой. «После того как мы нашли ренту или ценность (*usu-fruit*) за год, вопрос заключается в том, в какой сумме годовых рент выразится естественная ценность свободной земли. Если мы скажем: в бесконечном числе, то в таком случае один акр земли по ценности будет равен тысяче акров такой же земли, что, конечно, нелепо. Бесконечность единиц равна бесконечности тысяч. Следовательно мы должны указать более ограниченное число, и я думаю, что таким будет число лет, которые рассчитывают прожить одновременно живущие: 50-летний, 28-летний и 7-летний, следовательно — дед, отец и сын. Только у небольшого числа лиц существуют причины, заставляющие их заботиться о более отдаленном потомстве, ибо кто является прадедом — уже так близок к смерти, что обыкновенно в непрерывном ряде нисходящих одновременно живут только три поколения... Поэтому я считаю сумму годовых рент, составляющих естественную ценность какого-либо земельного участка, равной естественной продолжительности жизни трех указанных лиц. В Англии мы считаем эту продолжительность в 24 год, и потому ценность земли приблизительно равна такой же сумме годичных рент». * В про-

* W. Petty, A treatise of taxes etc., стр. 45.

тивоположность Чайлду, который выводит повышение земельной ренты из повышения цены земли, Петти совершенно правильно за исходный пункт принимает земельную ренту и выводит из нее цену земли. По этому поводу Маркс пишет: «Определив таким образом ренту, которая у него (Петти) равна всей прибавочной стоимости, включая и прибыль, и найдя ее денежное выражение, Петти приступает к определению цены земли, что опять-таки чрезвычайно гениально». * Тот способ определения цены земли, который мы находим у Петти, ошибочен. Маркс объясняет эту ошибку тем, что поскольку Петти фактически в виде земельной ренты берет всю прибавочную стоимость, он не может предположить данным процент на капитал, а наоборот, должен выводить его из ренты, как особую ее форму. Он называет процент на капитал денежной рентой и определяет его тем процентом, который образует земельная рента к цене земли. «Что же касается процента, то величина его должна быть, по крайней мере, не меньше ренты с такого количества земли, которое может быть куплено на эти деньги, где обеспеченность несомненная; там же, где обеспеченность менее надежна, там род страховки должен переплетаться с простым естественным процентом, что может значительно поднять уровень процента по сравнению с капиталом». **

Вторым вопросом, связанным с проблемой процента, был вопрос о том, должен ли процент (уровень его) регулироваться законодательным путем... Нужно иметь в виду, что денежный процент в XVI и даже в XVII вв. еще рассматривался как нечто предосудительное, несовместимое с христианством. Особенно в конце XVI в., когда ростовщичество чрезвычайно распространилось в Англии, как результат аграрного переворота и возникновения домашней капиталистической промышленности, публиковалось множество памфлетов, преимущественно написанных попами, против ростовщиков и ростовщичества. Кельпепер, о котором мы выше говорили, желая отделить свою брошюру от поповских памфлетов, указывает в начале ее, что он представляет попам заниматься религиозными доводами против ростовщичества, сам же он стремится привести некоторые аргументы, чтобы выявить, какой огромный ущерб оно причиняет королевству, которое не обладает золотыми и серебряными рудниками, но изобилием товаров, а также многочисленными и большими торговыми преимуществами; для торговли же высокий уровень процента — большое неудобство».

У Чайльда та же позиция продиктована стремлением крупного торгового капитала (Ост-Индской компании) получить необходимый для оборотов ссудный капитал по возможно более низкому проценту. Но уже довольно рано в литературе возникает течение, представители которого выступают сторонниками отмены всякого законодательного нормирования процента, политики «laissez faire, laisser

* Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 17.

** W. Petty, A treatise etc., стр. 48.

passer» в этом отношении. Конечно, ростовщики всегда были заинтересованы в возможно более высоком проценте и довольно легко обходили рогатки законов. Но в XVII в. впервые возникает, как мы уже сказали, течение, которое, уже не довольствуясь голой практикой, выступает с теоретической и притом довольно удачной защитой своей позиции.

Таков анонимный автор (не Manley ли?) цитируемого Марксом памфлета «Interest of money mistaken». Он утверждает в 1668 г., что «понижение процента — следствие, а не причина богатства нации». Мы у него находим тот взгляд, что уровень процента не во власти людей и не поддается регулированию. «Понизить процент постановлением закона до 4 или даже до 3 на сто, что одно лишь якобы в состоянии нас сделать богатыми, привести к расцвету торговли и в общем позволить нам противостоять Голландии, — я отрицаю все это, так как он (Чайльд) предлагает насилловать природу, которая, как он сам признаётся, не допускает над собой насилия; если в Англии все подготовлено для понижения процента, так что этого нельзя избежать, как он сам утверждает, то мы не нуждаемся в законе для проведения этого, так как природа у нас будет действовать, как и в других странах». У этого же автора мы находим закон, определяющий уровень процента и формулированный следующим образом: «Изобилие денег и надежное обеспечение — истинная причина, почему они (голландцы) получают не больше 3 или 4%». Петти примыкает к этой точке зрения. В памфлете «Кое-что о деньгах» на вопрос 32-й: «Что вы думаете о наших законах, ограничивающих уровень процента?» — он отвечает: «То же, что и о законах, ограничивающих вывоз денег, и то же, что о законах, регулирующих курс валюты».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные проблемы, которыми занимается Петти. Сравнение, проведенное нами между Петти и его предшественниками, несомненно, позволяет видеть в нем крупнейшего мыслителя, который впервые дал теоретическое выражение взглядам, вошедшим в фонд классической политической экономии.

Петти хотя и занимается теоретическими вопросами не систематически, а среди своих статистических исследований, но стремится сознательно создать экономическую науку. Это изложено им в предисловии в «Политической анатомии Ирландии», впервые опубликованной в 1691 г.: «Сэр Фрэнсис Бэкон в своем «Приращении науку» провел разумную параллель во многих отношениях между естественным и политическим организмом (body) и между способами, пригодными для предохранения здоровья и силы обоих. Настолько же разумно, что как анатомия является наилучшим основанием одной науки, так же она (политическая анатомия) является лучшим основанием и другой: действовать в политической области, не зная симметрии, структуры и про-

порций ее — дело столь же случайное, как практика старых баб и эмпириков».

Маркс, рассматривая заслуги А. Смита в истории политической экономии, указывает на две стороны его научной деятельности. С одной стороны, Смит дал систематическое описание экономических явлений, с другой — сделал попытку проникнуть во внутреннюю структуру капиталистического хозяйства. Вильям Петти ценен именно в этом последнем отношении. Он — первый теоретик товарно-капиталистического общества, и вплоть до Адама Смита и физиократов — крупнейший и гениальнейший его теоретик. Задолго до Смита, а по мнению Маркса — лучше, чем Смит, он дал картину разделения труда и его значения для товарного хозяйства. Понимание товарного хозяйства, как обширной системы разделения труда, представляло несомненно теоретическую основу для проникновения в его внутреннюю структуру: «В таком большом городе промышленные предприятия порождают друг друга, и каждое предприятие дробится на столько подразделений, сколько возможно, вследствие чего труд каждого производителя становится простым и легким. Например в производстве часов один человек изготавливает колеса, другой — пружину, третий — штампует коробку, четвертый — вставляет в нее механизм; в итоге часы лучше и дешевле, чем если бы вся работа выполнялась одним человеком. Мы видим это также в городе. На улицах большого города, жители которого почти все принадлежат к одной профессии, присущей данному месту, товары изготавливаются лучше и дешевле, чем в других местах».

Перейдем теперь к другому крупному представителю периода разложения меркантилизма — Дэдди Норсу. Последний выступил идеологом торгового капитала, борového против торговых монополий, и развивает преимущественно взгляды в защиту свободы торговли.

Дэдди Норс.

Мак Кулох впервые познакомил с Норсом Рикардо, и последний был поражен глубиной его взглядов для той эпохи. Эти взгляды изложены Норсом в памфлете «Очерки о торговле» («Discourses upon trade», 1691 г.). Установка автора в основном дана им в резюме предисловия к памфлету. Норс там пишет: «Может показаться странной речь о том, что весь мир в отношении торговли является лишь одним народом или страной, нации которого все равно, что отдельные люди; что не может быть торговли невыгодной для общества, так как если какая-либо область торговли оказывается невыгодной, то люди ее прекращают, когда же купцы процветают, то общество, часть которого они составляют, процветает также; что если заставлять людей действовать по предписанному способу, то это может принести пользу лишь тем, кому случайно такой способ подходит, но общество от этого не выиграет ничего, так как то, что отнимается у одного подданного, отдается другому; что никакие законы не могут устанавли-